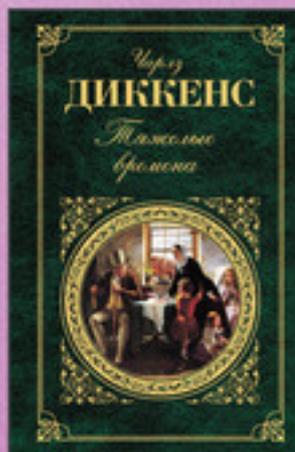

Чарльз Диккенс

Сыскная полиция

*Часть сборника
Тяжелые времена (сборник)*

Чарльз Диккенс
Сыскная полиция

«ФТМ»

1850

Диккенс Ч.

Сыскная полиция / Ч. Диккенс — «ФТМ», 1850

ISBN 978-5-457-09753-7

«Мы отнюдь не из тех, кто свято верил в старую полицию с Боу-стрит. Сказать по правде, мы полагаем, что репутация у этих господ была дутая. Помимо того, что иные из них были людьми очень невысокой нравственности и слишком привыкли иметь дело с ворами и другими подонками, – в обществе они при каждом удобном случае напускали на себя таинственность и не в меру важничали. Неизменно находя поддержку в неспособных судьях, заботившихся об одном – как бы скрыть свое бессилие, и располагая перьями тогдашних борзописцев, они сделались героями легенды. И хотя там, где требовалось предотвратить преступление, полиция всегда оказывалась совершенно беспомощной, а в деле сыска – распушенной, ненадежной и неповоротливой, многие по сей день верят в эту легенду о ней...»

ISBN 978-5-457-09753-7

© Диккенс Ч., 1850
© ФТМ, 1850

Чарльз Диккенс

Сыскная полиция

Мы отнюдь не из тех, кто свято верил в старую полицию с Боу-стрит. Сказать по правде, мы полагаем, что репутация у этих господ была дутая. Помимо того, что иные из них были людьми очень невысокой нравственности и слишком привыкли иметь дело с ворами и другими подонками, – в обществе они при каждом удобном случае напускали на себя таинственность и не в меру важничали. Неизменно находя поддержку в неспособных судьях, заботившихся об одном – как бы скрыть свое бессилие, и располагая перьями тогдашних борзописцев, они сделались героями легенды. И хотя там, где требовалось предотвратить преступление, полиция всегда оказывалась совершенно беспомощной, а в деле сыска – распущенной, ненадежной и неповоротливой, многие по сей день верят в эту легенду о ней.

С другой стороны, силы сыска, организованные вместе с учреждением новой полиции, так хорошо подобраны и вышколены, действуют так методически и так несуетливо, ведут расследование с таким профессиональным умением и всегда так неуклонно и спокойно несут свою службу обществу, что, в сущности, общество знает о них слишком мало, – ему неизвестна и десятая доля той пользы, какую они ему приносят. Придя к такому убеждению и пожелав познакомиться ближе с этими людьми, мы обратились к начальству Скотленд-Ярда с просьбой предоставить нам возможность, если это не вызовет возражений по официальной линии, побеседовать с сыщиками. Нам охотно и любезно пошли навстречу, и мы с неким инспектором наметили на некий вечер дружеское собеседование между нами и группой сыщиков в редакции «Домашнего чтения» на Веллингтон-стрит в Лондоне, близ Стрэнда. Так, согласно договоренности, состоялась встреча, которую мы и намерены здесь описать. Позволим себе заметить, что, хотя мы обойдем молчанием такие предметы, которых в печати лучше не касаться, поскольку это, по понятным причинам, могло бы оказаться вредным для общества или неприятным для иных уважаемых лиц, мы постараемся сделать свое описание со всею возможной точностью.

Пусть читатель сам вообразит себе святая святых «Домашнего чтения». Что вернее всего отвечает фантазии читателя, то и представит вернее всего эту великолепную комнату. Условимся только, что посередине стоит круглый стол и на нем – стаканы и сигары; а между этим внушительным столом и стеной уютно пристроился редакционный диван.

Душный вечер; смеркается. Камни Веллингтон-стрит горячи и пыльны, извозчики и конюхи у театра напротив сидят разморенные, красные. Экипажи непрестанно высаживают людей, прибывших в волшебное царство; и то и дело мощный рев или окрик на мгновение оглушает нас, врываясь в раскрытые окна.

Как только стемнело, нам доложили, что пришли инспекторы Уилд и Стокер; впрочем, оговорим: мы не ручаемся за правильность написания ни одного из называемых здесь имен. Инспектор Уилд представляет нам инспектора Стокера. Инспектор Уилд – мужчина средних лет, осанистый, с большими, влажными, умными глазами и сильным голосом; у него манера в подкрепление своих слов выставлять толстенный указательный палец, держа его все время на уровне глаз или носа. Инспектор Стокер – хитрый, трезвого ума шотландец, внешним видом несколько напоминающий очень пронизательного и безупречно вышколенного наставника из Педагогического училища в Глазго. Инспектора Уилда вы, пожалуй, могли бы принять за то, что он есть, инспектора Стокера – никогда.

Обряд приветствий закончен. Инспекторы Уилд и Стокер докладывают нам, что привели с собой нескольких сержантов. Идет представление сержантов – их пятеро: сержант Дорнтон, сержант Уитчем, сержант Мит, сержант Фендолл и сержант Строу. Перед нами все сыщики Скотленд-Ярда в полном составе, за одним исключением. Они садятся полукругом

(по одному инспектору с двух концов), поодаль от круглого стола, лицом к редакционному дивану. Каждый из них одним взглядом сразу делает для себя опись мебели и точный портрет редакторской особы. Редактор чувствует, что любой из этих джентльменов, если потребуется, без тени колебания сможет его задержать хоть через двадцать лет.

Все в партикулярном платье. Сержант Дорнтон, человек лет пятидесяти, с медным лицом и высоким загорелым лбом, судя по его виду, был в свое время сержантом армии – Уилки мог бы написать с него солдата в своем «Чтении завещания». Он славится умением упорно вести расследование индуктивным методом и, начав с ничтожных данных, возводить построение, от разгадки к разгадке, пока не возьмет человека в клещи. Сержант Уитчем, поменьше ростом и потолще, меченный оспой, с виду молчалив и задумчив – он как будто углубился в сложные арифметические подсчеты. Слышет знатоком «фасонной банды», то есть воров в щегольской одежде. Сержант Мит, гладколицый человек, со свежим ярким румянцем во всю щеку и удивительный с виду простака, известен как гроза домушников. Сержант Фендолл, светловолосый и учтивый, изысканный в разговоре, незаменим при ведении сыска по частным делам деликатного свойства. Сержант Стру – малорослый крепыш с мягкой повадкой и железной логикой; он постучит в дверь и начнет тихонько задавать вопросы, представляясь по заданию кем угодно, начиная от приютского мальчишки, и при этом взгляд у него будет младенчески невинный. Они все, как один, производят впечатление очень приличных людей; людей безупречной выдержки и недюжинного ума; в манерах ни следа развязности или угодливости; сразу чувствуется в них наблюдательность, а когда к ним обратишься – быстрота соображения; и всегда их лица носят более или менее явственный отпечаток непрестанного и сильного умственного напряжения. У них у всех хорошие глаза; и все они умеют и любят, разговаривая с человеком, кто бы он ни был, смотреть ему прямо в лицо.

Мы предлагаем закурить и наполняем стаканы (к которым, надо сказать, прикладываются очень умеренно), и редактор, чтобы завязать беседу, делает дилетантское замечание насчет карманников в облики джентльменов. Инспектор Уилд тотчас вынимает изо рта сигару и, поведя правой рукой, говорит:

– По части «фасонной банды», сэр, посоветую вам обратиться к сержанту Уитчому. А почему? Могу вам доложить: сержант Уитчем знаком с «фасонной бандой» как ни один другой полицейский офицер в Лондоне.

Наше сердце радостно забилося, когда мы увидели эту радугу на небе, и мы оборачиваемся к сержанту Уитчому, который сразу же очень четко, в точно подобранных словах принимается развивать предмет. Все его собратья с живейшим интересом следят за его речью, отмечая в то же время, как мы ее принимаем. Понемногу, когда представляется случай, они начинают, то тот, то другой, или двое сразу, добавлять кое-что от себя, и разговор становится общим. Но собратья вмешиваются только затем, чтобы поддержать друг друга, а не опровергнуть, – более братского содружества и быть не могло бы. От «фасонной банды» мы переходим к родственным темам: говорим о кражах со взломом, о торговле краденым, о домушниках и фармазонщиках, об одаренных юношах, подвигающихся в мелком воровстве, и о прочих специалистах. Мы отмечаем, пока нам все это раскрывается, что инспектор Стокер, шотландец, всегда точен и опирается на статистику, и когда встает вопрос о цифрах, все, как по сговору, замолкают и смотрят на него.

Перебрав все виды воровского искусства, – причем наши гости следили за обсуждением с неизменным глубоким вниманием, и только когда у театра через дорогу поднимался необычный шум, тот или другой из джентльменов за спиной у своего ближайшего соседа поглядывал в ту сторону в окно, – мы попросили просветить нас по ряду вопросов, как, например: вправду ли еще бывают в Лондоне случаи вооруженного грабежа – или, может быть, такому грабежу (вернее, тому, что названо в жалобе грабежом) обычно предшествуют

некоторые обстоятельства, которые пострадавшей стороне неудобно раскрывать и которые заставляют совсем по-другому оценить взаимоотношения грабителя и ограбленного? Безусловно, так – почти всегда. Правда ли, что при ограблении частных домов, когда подозрение неизбежно падает на слуг, невинно заподозренный всем поведением и повадкой бывает так похож на виновного, что и опытный сыщик должен выносить свое суждение очень осторожно? Да, несомненно. При таких обстоятельствах обычно нет ничего обманчивей первого впечатления. Когда в общественных увеселительных местах вор узнает сыщика или же сыщик вора – хотя ранее они были друг другу незнакомы, – что позволяет им распознать друг друга? Должно быть, при любом переодевании в человеке все же ощущается, что он невнимателен к происходящему вокруг и что пришел он сюда не повеселиться, а ради своей особой цели? Совершенно верно, так и узнают. Разумно или бессмысленно верить тем версиям о похождениях воров, какие слагаются по собственным их рассказам в тюрьмах, исправительных домах или где-нибудь еще? Вообще говоря, нет ничего более нелепого. Ложь – их привычка и промысел; они всегда, – даже когда не ждут от этого выгоды и когда им ни к чему вас обольщать, – скорей соврут, чем скажут правду.

От этих тем мы незаметно переходим к самым знаменитым и страшным из крупных преступлений, совершенных за последние пятнадцать-двадцать лет. Перед нами люди, принимавшие участие в раскрытии чуть ли не всех убийств, вплоть до совсем недавнего, и в преследовании и поимке убийц. Один из наших гостей сумел нагнать пароход с переселенцами и взойти на его борт, полагая, что с ним отплыла из Англии преступница – та, что недавно повешена в Лондоне за убийство. Мы узнали от него, что пассажиров не оповестили о его задании и они, должно быть, по сей час ничего не подозревают о том; что он сошел вниз с капитаном, державшим фонарь, – по-тому что было темно и в третьем классе морская болезнь всех уложила в койки, – завязал разговор с тою миссис Мэннинг, которая в самом деле оказалась на борту, насчет ее багажа, и не без труда добился от нее, чтобы она подняла голову и повернулась лицом к свету. Убедившись, что это не та, кого он разыскивает, он спокойно пересел обратно на правительственный катер, стоявший борт о борт с пароходом, и поплыл домой с добытыми сведениями.

Когда мы исчерпали и эту тему, занявшую в нашей беседе изрядное время, двое-трое поднялись со стульев, пошептались с сержантом Уитчемом и снова уселись. Сержант Уитчем наклонился немного вперед и, упершись обеими руками в колени, скромно повел такую речь:

– Мои товарищи по службе просят меня рассказать маленькую историю о том, как я захватил Томпсона по прозвищу Улюлю. Не след бы человеку рассказывать о том, что он сделал сам; но все же, так как со мной никого не было и, стало быть, кроме меня, некому об этом рассказать, попробую, если не возражаете, сделать это, как могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.